

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

4

Н. К. ГУДЗИЙ

О „Слове о погибели Руския земли“

1

«Слово о погибели Руския земли», как известно, с обстоятельными комментариями впервые было опубликовано по рукописи XV века псковского Печерского монастыря в 1892 году Х. М. Лопаревым.¹ В этой рукописи имеется двойное заглавие: рядом с приведенным стоит второе — «О смерти великого князя Ярослава», но в действительности о смерти Ярослава в рукописи ничего не говорится, а непосредственно вслед за текстом, к которому должна быть отнесена первая часть заглавия, читается дефектный текст жития Александра Невского. Публикация Лопарева была сделана по единственному известному тогда списку «Слова». Через 55 лет после этой публикации был опубликован вторично обнаруженный текст «Слова о погибели», заключающийся в рукописи середины XVI века Гребенщиковской старообрядческой общины в Риге. В этой рукописи, как и в рукописи псковского Печерского монастыря, за этим текстом следует, сливаясь с ним, текст жития Александра Невского. Оба текста рижской рукописи, за исключением второстепенных орфографических разночтений, тождественны с текстами рукописи псковского Печерского монастыря, но в отличие от заглавия этой последней в рижской рукописи стоит заглавие «Житие блаженного великаго князя Александра Ярославичя всея Руси Невскаго», не содержащее в себе никакого упоминания ни о погибели Русской земли, ни о смерти Ярослава Всеволодовича.

По подлинной рижской рукописи содержащееся в ней житие Александра Невского, включающее не обозначенное в заглавии «Слово о погибели», опубликовано полностью в 1947 году В. И. Малышевым.² В том же году французским ученым М. Горлиным по представленным автору фотографическим снимкам опубликовано (не вполне точно) начало этого жития, заключающее в себе текст, соответствующий тексту рукописи псковского Печерского монастыря в той ее части, которой должно быть присвоено заглавие «Слово о погибели Руския земли».³

¹ «Слово о погибели Руския земли». Вновь найденный памятник литературы XIII века. Сообщение Хрисанфа Лопарева, «Памятники древней письменности». XXXIV, 1892. Еще задолго до издания «Слова», в 1878 году, на него обращено было внимание хранителем рукописного собрания псковского Печерского монастыря, на крышке рукописи сделавшего пометку: «Замечательное слово» (там же, стр. 9).

² В. И. М а л ы ш е в. Житие Александра Невского (по рукописи середины XVI в. Гребенщиковской старообрядческой общины в г. Риге). Труды ОДРЛ, V, стр. 185—193.

³ См.: Michel Gorlin. Le Dit de la ruine de la terre Russe et de la mort du grand-prince Jaroslav. Revue des études slaves, XXI, 1947, стр. 5—33; указанный текст — на стр. 27—28.

Со времени первой публикации «Слова о погибели» о нем накопилась довольно значительная литература, которая, однако, не разрешила некоторых основных вопросов, связанных с самым существом памятника. Характерны прежде всего радикальные расхождения в оценке литературных его качеств. Если первый издатель «Слова», очень высоко его оценивая, видел в нем «начало великолепной поэмы XIII века, оплакивающей гибель Руси, с предварительным прославлением ее красоты и славы», то первые отзывы о нем ученых специалистов оказались достаточно суровыми. Так, И. Н. Жданов находил в «Слове о погибели» «бессвязность изложения, неожиданность перехода» и видел тут «работу неловкого компилятора».¹ М. С. Грушевский считал, что «с точки зрения художественной «Слово» не заслуживает большой похвалы». Это, по его мнению, «достаточно риторическое и холодное подражание „Слову о полку Игореве“, напоминающее больше „Задонщину“, чем художественный лаконизм „Слова о полку Игореве“».² П. В. Владимиров отозвался о «Слове о погибели» как об «отрывке, крайне неудачном в поэтическом отношении», вызывающем «сильное сомнение по несоответствию с духом древнерусских памятников», избоблюющем набором слов, являющемся «пробой пера какого-нибудь книжника старого времени».³

М. Г. Халанский, сопоставляя «Слово о погибели» с опубликованным им «Плачем» великого князя Юрия Всеволодовича и считая, что этот «Плач» «может дать понятие как о первоначальных источниках, основах и мотивах, так и об общем содержании и характере (лирическом) этой предполагаемой поэмы», т. е. «Слова о погибели», находил, что «Слово» по сравнению с «Плачем» «кажется книжно-цветистым распространением заключающихся в этом последнем общих мыслей о славе и могуществе Руси», что «Плач» князя Юрия «представляет больше непосредственности чувства и больше красоты в стиле».⁴ Нет, однако, никаких оснований для того, чтобы, отдавая должное «Плачу» князя Юрия, преуменьшать художественную ценность «Слова о погибели» и находить в нем больше книжной цветистости и меньше непосредственности чувства, чем в «Плаче», как это казалось Халанскому.

Такая недооценка литературных достоинств «Слова о погибели», какую мы находим у Халанского и у других названных выше авторов, может быть объяснена или недостаточной чуткостью их к древнерусскому художественному слову, или, как у Грушевского, быть может, пристрастием националистического свойства.

Значительное большинство авторов общих курсов по истории древней русской литературы, а также исследователей, специально изучавших «Слово о погибели», признавая выдающееся значение этого памятника как историко-литературного произведения, не касаются вопроса о его художествен-

¹ Ив. Жданов. Русский былевой эпос. СПб., 1895, стр. 96. Жданов, деля «Слово о погибели» на две части — вступление (описание изобилия Русской земли) и остальной его текст, который он считал отрывком из сказания о нашествии монголов, — полагает, что вступление первоначально не входило в состав «Слова о погибели» и присоединено было к нему позднее тем книжником, который переработал житие Александра Невского, дополнив его выдержками из сказания о нашествии монголов.

² М. Грушевский. Нововидані пам'ятки давнього письменства руського. Записки Наукового товариства ім Шевченка, V, кн 1, 1895, стр 4. Свой отрицательный отзыв о «Слове о погибели» Грушевский повторил в своей «Історії української літератури», III (Жив—Львів, 1923, стр. 207). Возможно, что такой отзыв о «Слове» связан у Грушевского с тем, что он противопоставляет его, как памятник северорусский, памятникам южнорусским, тенденциозно причисленным им сплошь к памятникам украинской литературы.

³ П. В. Владимиров. Древняя русская литература Киевского периода XI—XIII веков. Киев, 1900, стр. 361—368.

⁴ М. Г. Халанский. Материалы и заметки по истории древнерусского героического эпоса. Известия ОРЯС, т. VIII, кн. 2, 1903, стр. 174—175.

ной ценности. Впрочем, А. Н. Пыпин, давая общую характеристику «Слова о погибели», целиком приводит весьма положительный отзыв о нем Лопарева как о произведении большой художественной силы и приходит к заключению, что «Слово» свидетельствует о том, что «была связь между письменностью и народнопоэтическим творчеством, которое все-таки завоевало себе место в книге, несмотря на все осуждения аскетических предписаний».¹ Е. В. Петухов писал: «Но едва ли не самым замечательным поэтическим откликом на события татарского нашествия... является „Слово о погибели Руския земли“, к сожалению, дошедшее до нас лишь в незначительном отрывке. Этот отрывок имеет, однако же, такие литературные достоинства утраченного или вообще предполагаемого целого, которые заставляют, без всякой натяжки, сблизать этот памятник северо-восточной поэтической литературы XIII века со „Словом о полку Игореве“».² А. С. Орлов в своем общем курсе истории древней русской литературы не дает оценки «Слова о погибели» как художественного произведения, но в книге о героических темах древней русской литературы он так отзывается о нем: «„Слово о погибели“, даже при неполноте дошедшего текста, является одним из перлов старинной литературы. Широкий горизонт, картинность изображения и горячая любовь к родине, некогда счастливой, теперь страдающей, но всегда прекрасной, роднят это произведение со „Словом о полку Игореве“».³

Очень показательна исключительно высокая оценка литературного значения «Слова о погибели», которую мы находим в научных работах зарубежных специалистов. Так, немецкий ученый Вернер Филипп воспринимает «Слово» как «солнечный гимн», в котором автор воспекает красоты своего отечества, чтобы затем оплакать исчезнувшее могущество государства, и единственное в своем роде произведение европейской литературы, потому что объектом его вдохновения является не индивидуальный герой, а само государство.⁴ Французский исследователь М. Горлин считает, что «Слово о погибели» обнаруживает «подлинное поэтическое чувство».⁵ С особенным восторгом о нем пишет профессор Женевского университета А. В. Соловьев в специальной статье, ему посвященной.⁶ Оценивая очень высоко культуру и литературу Киевской Руси, которым нанесен был большой ущерб татарским игом, автор говорит о том, что в «Слове о погибели», к нашему несчастью, фрагментарном, мы имеем дело с произведением, однородным со «Словом о полку Игореве» по своему стилю и отличающему его вдохновению. Предложив французский перевод «Слова о погибели», А. В. Соловьев указывает на то, что этот «прекрасный фрагмент» замечателен по своему ярко выраженному патриотическому чувству, которое ошибочно усматривают лишь начиная со времени Великой французской революции и которое на самом деле обнаруживается уже в средние века, хотя часто в эту пору оно носит религиозную окраску, является уделом избранных умов, и к тому же в нем проявляется местный характер. Нужно, по мнению автора, дойти до Петрарки, чтобы найги в западноевропейской литературе гимны идеальному отечеству, которые по силе выразительности

¹ А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. I. Изд. 1-е. СПб., 1898, стр. 219

² Е. В. Петухов. Русская литература. Древний период. Изд. 3-е, Пгр., 1916, стр. 92.

³ А. С. Орлов. Героические темы древней русской литературы, М.—Л., 1945, стр. 57.

⁴ Werner Philipp. Ansätze zum geschichtlichen und politischen Denken im Kiewer Russland. Breslau, 1940, стр. 77.

⁵ M. Gorlin, ук. соч., стр. 31.

⁶ Alexandre Soloviev. Le Dit de la ruine de la terre Russe. Byzantion, XXII (1952), Bruxelles, 1953, стр. 105—128.

можно было бы сравнить с русским памятником. Однако, сопоставляя «Слово о погибели» с двумя патриотическими стихотворениями Петрарки, А. В. Соловьев отдает предпочтение русскому произведению. Задавая вопрос, к какому выводу можно было бы прийти в результате этого сопоставления, А. В. Соловьев, иронизируя, замечает, что закоренелый скептик (вроде А. Мазона) мог бы утверждать, что русский фрагмент — не что иное, как подделка, произведение русского ученого конца XIX века, который воспитывался в Петербургском университете, был учеником А. Веселовского, знатоком Данте и Петрарки, желавшим угодить националистическому империализму Александра III, и это как раз метило бы в Лопарева, если бы он сам не дал безукоризненных фотографических снимков с рукописи «Слова о погибели» и если бы каждый не смог проверить этот текст по псковско-печерской и рижской рукописям.

2

Самый существенный вопрос, связанный с определением существа «Слова о погибели», заключается в том, представляет ли оно самостоятельное произведение, хотя бы лишь частично сохранившееся, или оно органически, и значающе связано с упоминаемым в заголовке псковско-печерской рукописи, но отсутствующим в ней повествованием о смерти Ярослава Всеволодовича, либо с житием Александра Невского, в обеих дошедших до нас рукописях, слитых с этим последним.

Мы знаем, что Лопарев предполагал существование своего рода трилогии, быть может, написанной одним автором и содержащей в себе «Слово о погибели», повествование о смерти Ярослава Всеволодовича и житие Александра Невского. Из этой трилогии сохранилось, как пишет Лопарев, лишь «начало великолепной поэмы XIII века» и житие Александра Невского, что же касается повествования о смерти Ярослава Всеволодовича, то оно оказалось утраченным.

Нужно обратить внимание на то, что в заглавии псковско-печерской рукописи в сочетании «о смерти» буква *о* написана кирилловской омегой, над которой, вплотную прилегая к ней, проведена черта вроде перекладкины, рядом с которой вписано маленькое *о*. По объяснению Лопарева, не лишнему вероятию, черта над омегой с приписанной рядом с ней буквой *о* означала переделку *о* на *по*, в результате которой вместо «о смерти... Ярослава» получилось «по смерти... Ярослава». Но дальнейшие соображения Лопарева в связи с этой поправкой не отличаются достаточной ясностью. Переделку *о* на *по* Лопарев объясняет следующим образом. Вероятно, писец псковско-печерской рукописи имел в руках «Слово о погибели» в том же объеме, в каком мы имеем его теперь, или он списывал с дефектной рукописи, в которой находились «Слово о погибели», «О смерти великого князя Ярослава» и «О житии великого князя Александра», объединенные переписчиком одним общим заглавием. Переписывая свой оригинал, писец, как предполагал Лопарев, дойдя до слов «до брата его Юрья, князя Володимирьскаго» и продолжая списывать житие Александра Невского, заметил, что собственно о погибели Русской земли, а также о смерти Ярослава Всеволодовича ничего не говорится, и поэтому исправил «о смерти» на «растяжимое» «по смерти».

В этих соображениях непонятно, почему же переписчик, если он, как это следует из одного из двух предположений Лопарева, имея в своих руках рукопись со всеми тремя указанными Лопаревым произведениями, в заглавии обозначил только два из них и опустил третье — житие Александра Невского. И далее — если переписчик убедился в том, что о погибели

Русской земли в его оригинале ничего не говорится, то едва ли он, разочаровавшись в нем, мог устранить возникшее недоразумение легкой поправкой о на по, оставив в неприкосновенности первую часть заглавия — «Слово о погибели Рускыя земли».¹

Общий взгляд Лопарева на «Слово о погибели» принят был Грушевским (в его отзыве на издание Лопарева), Пыпиным (в его «Истории русской литературы»), В. М. Истриным,² В. С. Иконниковым,³ В. А. Келтуялой.⁴

С возражениями против соображений Лопарева о смысле загадочного заглавия изданного им памятника и по поводу самого его существа дважды выступил в специальных экскурсах, посвященных «Слову о погибели», Н. И. Серебрянский — сперва в 1910 г., в книге «Заметки и тексты из псковских памятников», затем значительно распространеннее и с некоторыми исправлениями — в 1915 г., в книге «Древнерусские княжеские жития». Серебрянский отвергает предположение Лопарева о существовании трилогии. Прежде всего, по его утверждению, в литературе XIII века не существовало такого памятника, в котором шла бы речь о смерти Ярослава Всеволодовича. «Нужно отказаться от предположения о существовании „Слова о смерти вел. кн. Ярослава“, — пишет он, — такого памятника в русской письменности XIII в. не было, а значит, не было самой трилогии — поэмы».⁵

Отсутствие в эту пору произведения, повествующего о смерти Ярослава Всеволодовича, Серебрянский объясняет заурядностью личности и малой популярностью этого князя у его современников, что обуславливалось и некоторыми отрицательными сторонами его внутренней политики, а также политики внешней, обнаруживавшей полную покорность татарским завоевателям, склонность к постоянным компромиссам с врагом. Такая политика Ярослава Всеволодовича, не вызывавшая сочувствия у его современников, ограничившихся лишь сухим упоминанием о его смерти, по словам Серебрянского, нашла одобрение у московских князей, чем и объясняются положительные отзывы в московских летописных сводах о Ярославе в связи с его смертью.

Загадочное написание «О смерти великого князя Ярослава» с припиской маленькой буквы о между словами «О» и «смерти» Серебрянский объясняет так, что переписчик, убедившись в том, что после «Слова о погибели» следует повествование не о Ярославе и его смерти, а об Александре Невском, захотел исправить «О смерти великого князя Ярослава» на «О смерти Олександра сына великого князя Ярослава», но, не доведя своего исправления до конца, так как в текстах древних рукописей не принято было исправлять описки и пропуски, ограничился лишь написанием начальной буквы в слове «Олександра». В ответ на недоуменный вопрос рецензента на первую свою книгу С. А. Богуславского, почему же в таком случае

¹ М. С. Грушевский (Нововидані пам'ятки давнього письменства руського, стр. 2) замечает, что читают «по смерти» и «от смерти», но нам неизвестно, кто предлагал чтение «от смерти».

² В. М. Истрин. Исследования в области древней русской литературы. СПб., 1906, стр. 232. В своем курсе «Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (11—13 вв.)», Пгр., 1922, стр. 239—241) он остается, очевидно, на той же точке зрения, лишь резюмируя последующий взгляд на «Слово о погибели» Н. И. Серебрянского, но не высказываясь, как это он делал в работе 1906 года, вслед за Лопаревым, о возможности отождествления автора «Слова о погибели» с автором «Моления Даниила Заточника».

³ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, 1. Киев, 1908, стр. 955—956.

⁴ В. А. Келтуяла. Курс истории русской литературы, ч. I, кн. 1. Изд. 2-е, СПб., 1913, стр. 794—794.

⁵ Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. М., 1915, стр. 174.

переписчик вздумал написать «Олександра» перед словом «смерти», а не после него,¹ Серебрянский в книге «Древнерусские княжеские жития» указывает на то, что это сделано в целях экономии места, хотя трудно понять, почему экономия места выигрывала от того, что поправку переписчик пытался сделать перед словом «смерти», а не после него. К этому недомысленному замечанию С. А. Богуславского можно было бы добавить, что, имея в виду Александра Невского, личность во много раз превосходившую личность его отца Ярослава, переписчик, намереваясь сделать поправку, едва ли задумал сделать ее так: «Олександра сына великого князя Ярослава», а гораздо вернее думать, что он попробовал бы сделать такую поправку: «великого князя Олександра, сына Ярослава», т. е., если принять догадку Серебрянского о том, как толковать приписку буквы о, то она должна была бы стоять после слов «великого князя».

Но и такое предположение мало вероятно: о смерти Александра Невского в псковско-печерской рукописи, как и в ряде других повестей об Александре Невском, лишь кратко говорится в самом конце повести, в основном же в ней идет речь о его житии и подвигах, настолько укрепивших и возвеличивших Русскую землю, что неестественно было бы с его личностью и деятельностью соединять представление о гибели Русской земли.

Что касается «Слова о погибели», то в окончательном своем суждении об этом памятнике Серебрянский приходит к следующему заключению. «Слово» представляет собой введение к светской биографии Александра Невского и в оригинале имело еще второе пояснительное заглавие — «О смерти великого князя Александра Ярославича» (или «Ярославля»). Биография эта написана была во Владимире дружинником Александра, однако из числа тех, которые не принимали участия в боевых подвигах князя. В этой биографии религиозные мотивы и сюжеты переплетались со светскими, заимствованными из светской переводной литературы. Но аскетически настроенных древнерусских книжников и читателей такое произведение не могло удовлетворить, и в конце XIII или в начале XIV века во Владимире оно было переработано в церковное житие князя, вошедшее затем в летопись и переписывавшееся в сборниках. Однако в XIV веке светская биография Александра Невского еще находилась в обращении. На ее основе и на основе церковного жития Александра в Новгороде была создана сводная, сокращенная, проложная редакция жития, которую Серебрянский называет «особой».² Предисловие церковного жития автор заменил предисловием из светской повести об Александре, в котором, прославляя подвиги его и говоря о его всемирной славе, сравнивал его с Александром Македонским, Ахиллесом и Дигенисом Акритом, но введение к предисловию, каким Серебрянский считает «Слово о погибели», составитель особого жития опустил. Что касается переписчика псковско-печерской рукописи, то, как представляет себе дело Серебрянский, у него, как и у составителя «особого» жития Александра, под руками были обе биографии князя — церковная и светская. Используя первую, он из второй механически заимствовал введение к предисловию к ней, т. е. «Слово о погибели», допустив ошибку во второй части заглавия, состоявшую в том, что вместо имени Александра поставлено только имя Ярослава.

Характер светской биографии Александра Невского Серебрянский пытается восстановить на основе того материала летописей и

¹ См.: Известия ОРЯС, XV, кн. 3, 1910, стр. 335.

² Эта редакция по рукописи XVII века Румянцевского музея напечатана Серебрянским в приложении к книге «Древнерусские княжеские жития», стр. 121—123.

особой редакции жития князя, который, по его мнению, выдает свое светское происхождение, но нужно сказать при этом, что он на долю материала, заимствованного из предполагаемой им светской биографии, относит многое такое, что могло найти себе место и находило в действительности в церковных житиях. Так, Серебрянский полагает, что горестное восклицание составителя церковно-летописного жития Александра «Горе тебе, бедный человек! како можеша написати кончину господина своего? . . .» и т. д. выдает светского автора, так как «с церковной, аскетической точки зрения такая скорбь по умершем в сущности предосудительна». По той же причине на долю светской биографии Александра Серебрянский относит и выражение чувств митрополита и «всех людей» при получении во Владимире вести о смерти Александра («Заиде солнце земли Суждальской» и «уже погибает»). Но достаточно вспомнить, например, жития Алексея-человека божия, Бориса и Глеба, Дмитрия Донского, епифаниево житие Стефана Пермского и др., наконец, самим же Серебрянским приведенные в приложении к его книге княжеские плачи, в которых, как и в указанных житиях, скорбь по умершему выражена очень сильно, чтобы отвергнуть в данном случае его соображение. Так же неубедительно на долю светской биографии князя Серебрянский относит и сообщение о послах к Александру от римского папы,¹ и рассказ о поездках Александра в Орду, и все воинские эпизоды жития, в частности, относящиеся к битвам на Неве и на Чудском озере, как будто в церковных житиях такие эпизоды всегда отсутствовали (вспомним опять-таки хотя бы житие Бориса и Глеба, а также житие Довмонта).

Вообще говоря, наличие светских элементов в церковно-летописном житии Александра Невского не приходится отрицать, но нет уверенности в том, что непременно существовало особое светское житие Александра Невского, позднее оцерковленное, как думает Серебрянский: ведь наличие светских элементов не отрицает Серебрянский и в первичных редакциях церковных житий.² И в житии Александра Невского светские элементы могли быть продуктом творчества не только дружинника Александра, как предполагал В. М. Истрин, впоследствии принявшего монашество,³ но и какого-либо церковника. Д. С. Лихачев, убедительно устанавливающий наличие галицкой литературной традиции в житии Александра Невского, допускает, что автором этого жития мог быть митрополит Кирилл II, в 1250 году переехавший из Галиции к Александру Невскому, или, вернее, он был инициатором, поручившим написание жития кому-то из галицких книжников, приехавших вместе с ним на север, т. е. не дружиннику, а человеку, близкому к церковным кругам.⁴

Ниже мы постараемся решить, в какой связи вопрос о самом существовании изначального жития Александра Невского стоит с вопросом о происхождении и природе «Слова о погибели», а пока посмотрим, как определяет объем последнего Серебрянский. В вопросе о том, в какой мере дошедший до нас текст «Слова о погибели» является законченным текстом, он обнаружил явное колебание. Так, в первом из указанных его трудов он писал: «По моему мнению . . . первоначальный состав „Слова о погибели“ был тот же

¹ Как указано было Д. С. Лихачевым, этот ответ, как и некоторые другие эпизоды в житии Александра Невского, относимые Серебрянским к светской биографии князя, заимствованы из Хронографа (см.: Д. С. Лихачев. Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского. Труды ОДРЛ, V, стр. 39—43).

² См.: Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, стр. 288—289 и др.

³ См.: В. М. Истрин. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (11—13 вв.), стр. 242.

⁴ См.: Д. С. Лихачев, ук. соч., стр. 52.

самый, какой мы имеем в псковско-печерском списке».¹ Во второй же книге — «Древнерусские княжеские жития» — он сначала отметил «незначительный объем сохранившегося отрывка „Слова“, неисправность текста в единственном списке этого памятника» (стр. 163), затем говорит о том, что «Слово о погибели» дошло до нас не в первоначальном своем виде, хотя и сомневается в том, «чтобы размеры утраты были так велики, как принято их определять» (стр. 167; тут имеется в виду, конечно, мнение Лопарева, хотя сам же Серебрянский четырьмя страницами выше говорит о незначительности объема сохранившегося «отрывка» «Слова о погибели»). Наконец, Серебрянский высказывает предположение, что в «Слове о погибели» недостает только немногих строк к тому тексту биографии Александра Невского, какой читается в «особом» его житии. Он допускает дальше даже то, что в оригинале памятника вслед за словами: «Юрья вел. кн. Володимерьскаго» стояло: «О велицем князе нашем...» и т. д., подобно теперешнему чтению: «О господе бозе нашем...» и т. д. (стр. 206). Как видим, представления Серебрянского об объеме «Слова о погибели» были для него настолько неясны, что он в одной и той же книге вступал на этот счет в противоречия с самим собой.

При предположении, что «Слово о погибели» вместе с светской биографией Александра Невского написано после смерти Александра, умершего в 1263 году, Серебрянскому необходимо было объяснить, каким же образом Ярослав Всеволодович, умерший в 1246 году, в «Слове о погибели» именуется «нынешним» и его брат Юрий Всеволодович, погибший в битве при Сити в 1238 году, тоже как будто числится еще живым. Серебрянский считает, что сам автор «Слова о погибели» не придавал словам «и до брата его Юрья, князя Володимерьскаго» хронологического значения, иначе он сделал бы соответствующую хронологическим датам расстановку имен князей и сказал бы: «до Юрья князя Володимерьскаго и до брата его, нынешняго Ярослава». Искусственность в построении фразы, по мнению Серебрянского, вызвана тем, что автор хотел точнее выдержать параллель с заимствованными и несколько видоизмененными им словами из «Слова о полку Игореве» — «от стараго Владимира до нынешняго Игоря». «Заменяя Владимира старым Ярославом,² автор легко подыскал для него параллель в „нынешнем“ Ярославе», для второй же замены — Игоря Владимиром Мономахом — такой созвучной параллели не нашлось. Поставив вместо Владимира Юрия, автор «Слова», в видах благозвучия, мог добавить только титул князя: «Володимерьскаго».³ Но натянутость такого объяснения как будто очевидна сама собой.⁴

¹ Н. И. Серебрянский. Заметки и тексты из псковских памятников. М., 1910, стр. 78.

² В «Слове о погибели» Ярослав именуется, однако, не «старым», а «великим», — Н. Г.

³ Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, стр. 203—204.

⁴ А. И. Соболевский в статье «Заметки о русской литературе старшего периода» писал в связи с попутными своими соображениями о «Слове о погибели»: «Слово нынешний, употребленное автором в применении к Ярославу, значит вообще современный, а не здравствующий» (ЖМНП, 1906, июнь, стр. 436). Но это утверждение Соболевского не находит себе поддержки в текстах древнерусских памятников, и сам Соболевский позднее, очевидно, отказался от своего утверждения, указывая на то, что Ярослав «назван „нынешним“, т. е. современником составления „Слова“» (А. И. Соболевский. К слову о полку Игореве. Известия по РЯС, 1929, кн. II, стр. 176). Тут же Соболевский по поводу эпитета «нынешний» в «Слове о погибели» пишет: «Это наименование считается заимствованным из „Слова о полку Игореве“. Но заимствуются не отдельные слова, как „нынешний“, а меткие названия, красивые фразы и т. п.». Трудно также согласиться с Грушевским, полагающим, что слову «нынешний» в применении к Ярославу Всеволодовичу не нужно придавать того значения, какое придает ему Лопарев, так как тут Ярослав Всеволодович назван «нынешним» в отличие от «великого Ярослава», сына Владимира (М Грушевский, ук. соч., стр. 3).

3

После выхода в свет исследований о «Слове о погибели» Серебрянского большинство исследователей, писавших о «Слове», и авторов общих курсов по истории древней русской литературы в основном согласились с его образами о взаимотношении «Слова о погибели» и жития Александра Невского. В этом смысле высказался и В. Мансикка в своем специальном исследовании о житии Александра Невского, считавший «Слово о погибели» предисловием к житию Александра Невского, однако в церковно-летописной, очевидно, его редакции. Непонятно только, почему Мансикка в книге, вышедшей в свет в 1913 году, т. е. через целых три года после первой книги Серебрянского, впервые высказавшего предположение об изначальной связи «Слова о погибели» с житием Александра Невского, в подкрепление своего взгляда ссылается не на Серебрянского, работу которого он даже не упоминает, а на замечания Жданова, который, как правильно указал Серебрянский во второй своей книге (стр. 157), такого взгляда и в такой формулировке не высказывал. Гипотезу Серебрянского, в частности, поддержал в рецензии на его первую книгу Соболевский, писавший: «Серебрянский считает „Слово о погибели Русьских земли“ „предисловием“ к одной из рецензий жития св. Александра Невского. И это его мнение мы считаем имеющим цену, но должны прибавить к его словам от себя: предисловием, плохо обработанным, не приспособленным к рассказу об Александре».¹ В. И. Малышев, опубликовавший «Слово о погибели» по новому, рижскому, списку, в котором оно, как и в псковско-печерской рукописи, соединено с житием Александра Невского, но без особого заглавия, осторожно говоря о том, что во всяком случае в XVI веке это «Слово» создавалось как предисловие к житию, а не как самостоятельное произведение, утверждает, однако, что в стиле предисловия и жития Александра Невского «нет таких резких отличий, которые мешали бы рассматривать их как часть одного и того же произведения». Вместе с тем В. И. Малышев не видит оснований для того, чтобы согласиться с Лопаревым в том, что «Слово о погибели» дошло до нас не в полном виде: по мнению В. И. Малышева, последние строки «Слова», упоминающие о «болезни крестияном», как бы предвзвешают главную тему жития Александра — рассказ о том, в каких тяжелых для Руси условиях протекала его деятель-

¹ ЖМНП, 1910, ноябрь, стр. 208. Впоследствии, впрочем, Соболевский разошелся с Серебрянским в вопросе об отношении «Слова о погибели» к житию Александра Невского, считая «Слово» самостоятельным произведением, являющимся откликом на Калкскую битву и возникшим в 1224 году или вскоре после этого года (А. И. Соболевский, ук. соч., стр. 177). Относительно предположения Соболевского о связи «Слова о погибели» с Калкской битвой — ниже; тут же обратим внимание на то, что «Плач» Юрия Всеволодовича, совершенно явственно, как следует из его текста, связанный с событиями нашествия татар на северную Русь в 1237—начале 1238 г., Соболевский — неизвестно на каких основаниях — относит к событиям, сопровождавшим Калкскую битву, к которой, кстати сказать, Юрий Всеволодович отнесся довольно пассивно и которая не могла взволновать его настолько сильно, насколько взволновало опустошение Батыем северной Руси, трагически сказавшееся на судьбе его княжества, его семьи и многих северных русских князей. Ошибочно приурочив «Плач» Юрия Всеволодовича к событиям Калкской битвы, Соболевский столь же ошибочно рассматривает «Слово о погибели» и «Плач» как «куски одного дружинного произведения, составленного в Переяславле Залесском в 1224 году или вскоре после этого года», хотя совершенно очевидно, что и по стилю и по содержанию «Плач» гораздо ближе к П. весте о разорении Батыем Рязани, чем к «Слову о погибели». Попутно заметим, что Соболевский цитирует «Плач» по изданию Серебрянского, который, так же как и Соболевский, даже не упоминает об издании его Халанским, опубликовавшим и вступительную часть «Плача», особенно наглядно свидетельствующую о том, что в нем мы находим отклик на события отнюдь не Калкской битвы, а на вторжение Батые в пределы северной Руси.

ность.¹ Соображения В. И. Малышева были поддержаны Д. С. Лихачевым, который, исходя из утверждения общего хронографического источника «Слова о погибели» и проложного (по терминологии Серебрянского — «особого») жития Александра Невского, предполагает, что «Слово» «с известной долей вероятности можно считать вводной статьей к житию».²

С возражением против гипотезы Серебрянского, впервые высказанной им в первой из названных его книг, выступил в 1910 году один лишь С. А. Богуславский, как указано выше, усомнившийся в правдоподобности объяснения Серебрянским постановки буквы о перед словом «смерти», а не после него. Основываясь на анализе стиля «Слова о погибели» и жития Александра Невского, Богуславский пришел к заключению, что «Слово о погибели», дошедшее до нас не в полном виде и как бы механически присоединенное к житию Александра Невского, не могло принадлежать автору этого жития. «Заглавие „Слова“, — пишет он, — позволяет предполагать, что недошедшей до нас частью его было описание смерти кн. Ярослава Всеволодовича и ее последствия — падения русского могущества, составленное в стиле светских историко-политических слов».³

Очень возможно, что приведенная цитата из рецензии Богуславского дала толчок М. Горлину для написания им упомянутой выше статьи. По крайней мере он очень сочувственно приводит эту цитату на стр. 31 своего исследования, подкрепляя ею основное свое положение, что стоящее в заглавии псковско-печерской рукописи «О смерти великого князя Ярослава» — не случайная обмолвка переписчика этой рукописи, а действительно след утраченной части единого со «Словом о погибели» произведения, которую Горлин поставил себе задачей восстановить.

Для восстановления первоначального, утраченного текста «Слова» о смерти Ярослава Всеволодовича, в глазах Горлина, косвенным материалом служит вступление к житию князя ярославского Федора Ростиславича в редакции Андрея Юрьева и непосредственным — рассказ о Ярославе и его смерти, входящий в седьмую степень Степенной книги. Вступление к житию Федора Ростиславича, в начале своем написанное в подражание той части «Слова о погибели», в которой описывается изобилие Русской земли, а в конце рисуящее опустошение ее татарами, по мнению Горлина, дает нам общее представление о том, каково было по содержанию продолжение полностью не сохранившегося «Слова». Что же касается рассказа Степенной книги о Ярославе и его смерти, то, как думает Горлин, в результате произведенной им реконструкции рассказа, он должен с наиболее возможным приближением воспроизвести утраченный оригинал XIII века. При таком взгляде на органическое единство «Слова о погибели» и упомянутого в заглавии псковско-печерской рукописи рассказа «О смерти великого князя Ярослава» житие Александра Невского, слитое в этой и рижской рукописях со «Словом о погибели», на самом деле является отдельным произведением, первоначально никак не связанным с рассказом о погибели Рус-

¹ См.: В. И. Малышев, ук. соч., стр. 187.

² Д. С. Лихачев, ук. соч., стр. 41—42.

³ Известия ОРЯС, XV, кн. 3, 1910, стр. 336. Впоследствии С. А. Богуславский, основываясь на анализе списков жития Александра Невского, высказал мало убедительное предположение, что «Слово о погибели», будучи написано, быть может, псковитянином, иноком Печерского монастыря, создано после написания жития Александра Невского и было затем приписано к нему. По предположению Богуславского, автор «Слова» «задался целью описать упадок русского могущества со смертью великого князя Ярослава и дать читателю повесть — житие этого князя в стиле и манере переписанного им жития великого князя Александра» (С. А. Богуславский, К вопросу о первоначальном тексте жития вел. кн. Александра Невского. Известия ОРЯС, XIX, кн. 1, 1914, стр. 272).

ской земли и смерти Ярослава и соединенным с ним позднейшим переписчиком, которому понравилось «Слово о погибели», как оно понравилось и Андрею Юрьеву, приспособившему его, быть может, по образцу переписчика жития Александра Невского к житию Федора Ростиславича.¹ В отличие от Серебрянского, полагавшего, что Андрей Юрьев использовал «Слово о погибели», уже соединенное с житием Александра Невского, Горлин утверждает, что нет данных для того, чтобы предполагать знакомство Андрея Юрьева с житием Александра: те самые незначительные черты сходства между обоими житиями, на которые указывает Серебрянский, Горлин с достаточным основанием считает общими житийными местами. Это обстоятельство представляется Горлину лишним доказательством того, что «Слово о погибели» возникло независимо от жития Александра Невского.²

Утверждая, что редактор Степенной книги не привносил в нее какого-либо нового материала по сравнению с ее источниками, ничего не выдумывал и не изобретал, а только уснащал свой труд стилистическими амплификациями и украшениями, иногда композиционно перестраивая добытый им материал, Горлин приходит к заключению, что рассказ Степенной книги о Ярославе в самом основном точно воспроизводит содержание некогда существовавшего единого произведения, повествовавшего о погибели Русской земли и о смерти Ярослава Всеволодовича. Возражая против мнения Жданова, Серебрянского и Соболевского, полагавших, что перечисление подвластных Руси народов в «Слове о погибели», как и в Степенной книге, восходит к какому-то более древнему источнику, Горлин считает, что Степенная книга заимствовала это перечисление из «Слова о погибели», так как в Степенной книге идет речь о народах, которые в ту пору не были подчинены Руси, и в этом сказывается «бахвальство», предвосхищающее события, что было в духе XVI, но не XIII века.

Составление в XIII веке рассказа о Ярославе и его смерти Горлин ставит в связь с предполагавшейся, как он думает, канонизацией Ярослава, не состоявшейся однако. Этот рассказ, вследствие отрицательных черт князя, мало-помалу исчез из обращения, и Степенная книга извлекла его из забвения, так как ее редакторам он понадобился для установления генеалогического древа русского княжеского рода. Устраняя из рассказа Степенной книги о Ярославе все то, что, по взгляду Горлина, является позднейшим подновлением первоначального текста, и перегруппировывая отдельные разделы этого рассказа, Горлин устанавливает реконструированный текст рассказа о смерти Ярослава, соединенного со «Словом о погибели», как оно читается в исковско-печерской и рижской рукописях. Для такой реконструкции, по его мнению, известный материал могут дать краткие рассказы московских летописных сводов XVI века — Софийской первой летописи и летописи Воскресенской (ошибочно именуемой Горлиным Вознесенской), из которых вторая этот рассказ даже сопровождает особым заголовком — «О преставлении великого князя Ярослава Всеволодовича». В соответствии со своей концепцией Горлин датирует реконструированный им текст 1246—1247 годами, принимая во внимание дату смерти Ярослава Всеволодовича — 1246 год.

¹ На это вступление впервые обратил внимание Ключевский, приведя его начало в книге «Древнерусские жития святых», затем Жданов («Русский былевой эпос»), перепечатавший это начало в сопоставлении его со «Словом о погибели». Полностью вместе с житием Федора в редакции Андрея Юрьева опубликовал его Серебрянский в приложении к книге «Древнерусские княжеские жития».

² Очень возможно, добавим от себя, что переписчик жития Александра Невского привлек в качестве вступления к житию «Слово о погибели», потому что в конце жития натолкнулся на слова народа, потрясенного смертью Александра: «уже погибает».

Изложив соображения Серебрянского по поводу взаимоотношения «Слова о погибели» и жития Александра Невского, Горлин замечает: «Однако трактовка Серебрянского, несмотря на всю ее изобретательность, не может считаться вполне убедительной для историков литературы, быть может, по причине самой ее изобретательности». Но не в меньшей мере, а еще в большей степени это скептическое замечание применимо к соображениям, высказанным самим Горлиным.

Прежде всего Горлин не объясняет, каким образом автор предполагаемого им единого произведения о погибели Русской земли и о смерти Ярослава Всеволодовича, в первой части своего произведения говоря о «нынешнем» Ярославе, т. е. еще здравствовавшем, во второй части говорит о нем как об умершем; как произведение, написанное после смерти Ярослава, могло в «Слове о погибели» упоминать о нем как о живом. Далее, если Серебрянский светское по своему стилю «Слово о погибели» считал предисловием не к сохранившемуся церковно-летописному житию Александра Невского, в котором мы находим значительное количество светских элементов, а к несохранившейся светской биографии Александра, то уж никак нельзя это «Слово» рассматривать как органически связанное с рассказом о смерти князя Ярослава, реконструированным Горлиным по тексту Степенной книги. Этот рассказ, как и большинство текстов Степенной книги, настолько оцерковлен, что и по стилю и по содержанию никак не вяжется со светским стилем «Слова о погибели». По своему стилистическому облику рассказ о Ярославе, даже после реконструкции, произведенной Горлиным, стоит в одном ряду с прочим материалом Степенной книги. В частности, довольно частым литературным приемом ее является монолог. Монолог, обращенный к детям, произносит в Степенной Ярослав. Такой же монолог там же произносит и умирающий брат Ярослава Константин Всеволодович, о котором рассказывается в той же седьмой степени Степенной книги.

Горлин возводит рассказ о Ярославе в Степенной книге к памятнику XIII века как непосредственному источнику, но, не говоря уже о том, что мы этого источника не знаем, вопрос об источниках Степенной книги разрешен в науке далеко еще не полностью, и утверждение Горлина, что Степенная книга ничего по существу не добавляла к своим книжным источникам и не вносила в них изменений, никак не может быть обосновано. Мы знаем, что она часто поправляла и дополняла характеристики князей в сторону морального и политического повышения этих характеристик, вкладывая в их уста речи и молитвы, которые приписывали им, пользуясь обычными агиографическими шаблонами, использовала устные легенды и предания, возникшие в разное время.

Горлин предполагает, что намечавшаяся канонизация Ярослава не состоялась ввиду того, что мало-помалу исчезло из обращения написанное тотчас же после смерти его житие, являвшееся первым шагом, предпринятым для его канонизации, исчезло потому, что Ярослав не пользовался симпатией из-за своего крутого характера. Но не говоря уже о том, что естественнее было бы предполагать обратное: житие исчезло из обращения вследствие того, что не состоялась канонизация, — еще большой вопрос, задумана ли она была вообще: о причислении Ярослава к местным владимирским святым мы черпаем сведения из такого недостоверного источника, как позднейшая рукописная «Книга о святых», куда имя Ярослава могло быть занесено по почину причта Владимирского собора, в котором он был погребен и который заинтересован был в прославлении покоящегося в нем князя.

Далее, если, вопреки мнению Серебрянского, не было достаточных оснований говорить о погибели Русской земли в 1263 году или вскоре вслед за

этим, после смерти такого выдающегося и весьма популярного государственного деятеля, каким был Александр Невский,¹ то еще меньше было оснований говорить об этом в 1246—1247 годах, в связи со смертью мало популярного Ярослава Всеволодовича, когда оборонителем Русской земли был сын Ярослава — Александр Невский, через несколько лет занявший владимирский стол. Столь же мало было оснований предварять рассказ о смерти заурядного князя Ярослава таким красноречивым вступлением, каким является «Слово о погибели».

Выше указывалось, что в пользу своего утверждения о заимствовании Степенной книгой перечисления народов, подвластных Руси, из «Слова о погибели» Горлин указывает на то, что это перечисление в Степенной книге, предвосхитившее события, было в духе XVI, но не XIII века. Но перечень в Степенной книге этих народов ничем не отличается по существу от такого же перечня в «Слове о погибели». Однако, как указал Соболевский, первый перечень значительно более географически упорядочен, чем второй, и это было основанием Соболевскому утверждать, что перечень Степенной книги древнее перечня «Слова о погибели», но что «оба перечня, и тот, что в „Слове“, и тот, что в Степенной книге, и проч. — древние. О зависимости второго из них от первого не может быть речи».² Соболевский не сомневается в происхождении и того и другого от общего источника, к которому перечень Степенной книги ближе, чем перечень «Слова о погибели», но считает, что нет надежных данных для точного установления этого источника. Не забудем также, что в Степенной этот перечень повторяется дважды: он дается не только в рассказе о Ярославе, но и в самом начале Степенной книги как естественное предварение всего дальнейшего ее изложения.

Обратим, наконец, внимание на то, что в реконструированном Горлиным тексте рассказа о Ярославе не только изъятие из текста Степенной ряда мест, читаемых в ней, но и перегруппировка отдельных разделов этого текста отличаются очевидным произволом.

Статья Горлина вызвала указанную выше статью А. В. Соловьева, напечатанную в томе XXII журнала «Byzantion» (1952). Приведя несколько возражений, впрочем, далеко не достаточных и очень беглых, против основных положений статьи Горлина, А. В. Соловьев приходит к заключению, что «Слово о погибели» вовсе не было связано с рассказом о смерти Ярослава и — в пору своего возникновения — с житием Александра Невского. По его мнению, оно представляет собой фрагмент, начало поэтического произведения ораторского и патриотического рода, которое, быть может, никогда не было окончено, но которое хорошо было известно старым книжникам, начиная от Андрея Юрьева, продолжая автором «Задонщины» в Кирилло-Белозерской ее версии, переписчиком жития Александра Невского, соединившим в одно целое с житием «Слово о погибели», автором «Родословца» русских князей, редакторами Степенной книги, кончая Каменевичем-Рвовским в его «Сказании о начале московского рода» (в двух последних случаях через посредство «Родословца»)³.

По догадке А. В. Соловьева, «Слово о погибели» было написано придворным певцом Ярослава Всеволодовича, бардом, воспевавшим походы

¹ См.: Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, стр. 207—208.

² ЖМНП, 1910, ноябрь, стр. 208.

³ Упрекая Горлина за то, что в его статье не указано, что перечень народов, подвластных русским князьям, в Степенной книге якобы вложенный в уста Ярослава (?), восходит не непосредственно к «Слову о погибели», а через посредство «Родословца» русских князей, А. В. Соловьев, как видим, сам «Родословец» возводит к «Слову о погибели», хотя эта точка зрения серьезно оспаривается.

его и его предков. Судя по географическим реалиям «Слова», оно было написано жителем северной Руси, но в Киеве, во время пребывания там Ярослава. Начиная вторую часть своего произведения словом «отселе», автор будто бы имеет в виду именно Киев, так как именно отсюда естественнее всего было начать упоминание о венграх, поляках, чехах, как о народах, граничащих с Русью. Но тут, в связи с этой догадкой А. В. Соловьева, мы сталкиваемся у него с рядом исторически не подтверждающихся и противоречивых суждений. Пребывание Ярослава в Киеве он относит к 1240 году, основываясь на указании жития Александра Невского, что в 1240 году, в пору Невской битвы, Ярослав был в Киеве. Но это указание, имеющееся в двух редакциях этого жития, является несомненной опиской. Летописные известия о Ярославе сообщают о том, что Ярослав захватил Киев в 1236 году, а в 1238 году, после гибели его брата великого князя Владимирского Юрия, сам стал великим князем Владимирским и сидел уже во Владимире. Ни о каком посещении Ярославом Киева в 1240 году летописец не упоминает, а одна из редакций жития Александра Невского правильно указывает, что во время Невской битвы Ярослав был во Владимире, другие же редакции вовсе не указывают его местопребывание в это время.

Далее, как согласовать предположение А. В. Соловьева о написании «Слова о погибели» в 1240 году с тем, что, по его же словам, в «Слове» не только Ярослав, но и Юрий, убитый в битве при Сити, упоминаются как живые (стр. 122)?

И наконец, на стр. 118 А. В. Соловьев высказывает предположение, что «Слово о погибели» дошло до нас в незаконченном виде или потому, что автор его был убит татарами во время нападения их на Киев в декабре 1240 года, быть может, на следующий день после того, как он начал писать свою «маленькую Илиаду», или потому, что она погибла в пору татарского опустошения и от нее сохранился только один листок, а на стр. 122 он предполагает, что «Слово о погибели» было написано летом 1204 года, — на том основании, что в житии Александра Невского сказано, что Ярослав находился в Киеве в июле этого года.¹

Таким образом, наиболее приемлемым в статье А. В. Соловьева является его утверждение, что «Слово о погибели» было отдельным, самостоятельным произведением, не зависимым ни от рассказа о смерти Ярослава Всеволодовича, ни от жития Александра Невского.

4

К числу работ последнего времени, посвященных «Слову о погибели», относится и статья М. Н. Тихомирова «Где и когда было написано „Слово о погибели Русской земли“».² М. Н. Тихомиров считает «Слово» произведением самостоятельным, возникшим независимо от рассказа о смерти Ярослава Всеволодовича и от жития Александра Невского. Так же, как и Соболевский в статье 1929 года, он связывает ее с событиями Калкской битвы 1223 года и написание его, быть может, около 1225 года приурочивает к Новгороду, в пору княжения в Новгороде Ярослава Всеволодовича.

Соглашаясь, на основании сказанного выше, с тем, что «Слово о поги-

¹ В статье «New traces of the Igor tale in old Russian literature» (Harvard Slavic studies, v. I, Cambridge Mass., 1953, стр. 73—81), напечатанной спустя год после указанной статьи и развивающей некоторые ее положения, но без ссылки на нее, А. В. Соловьев говорит, что автор «Слова о погибели» был вместе с Ярославом в Киеве в 1238 году (стр. 79, прим.).

² Труды ОДРЛ, т. VIII, стр. 235—244.

бели» является отдельным, самостоятельным произведением, возникновение которого нет оснований связывать как с рассказом о смерти Ярослава Всеволодовича, так и с житием Александра Невского, трудно согласиться с мнением А. И. Соболевского и М. Н. Тихомирова о том, что оно было откликом на Калкскую битву. Эта битва, происшедшая в южной Руси, губельно отразившаяся на судьбе южнорусских князей и не затронувшая северной Руси, не могла вызвать представления о «погибели», т. е. тяжелом разорении всей Руси, особенно у северянина, которому несомненно принадлежит авторство «Слова». О «погибели» Русской земли северянину естественнее всего было говорить после тех потрясающих татарских опустошений, которые начались с 1237 года — со времени страшного разорения Рязани, Пронска, Москвы, Суздаля, Переяславля, Владимира и других северных городов. Судя по тому, что Юрий Всеволодович в «Слове о погубели» упоминается как живой, оно написано было до битвы 4 марта 1238 года на Сити. О том же свидетельствует и наименование Юрия князем Владимирским, а Ярослава только «нынешним»: если бы «Слово» написано было после гибели Юрия, то Ярослав, занявший его стол, естественно в первую очередь должен был бы именоваться князем Владимирским. То, что в «Слове» не упоминаются татары, по мнению М. Н. Тихомирова, является лишним доказательством того, что оно возникло еще до Батыевой рати. Но не может быть сомнения в том, что «Слово» дошло до нас в незаконченном виде: «А в ты дни болезнь крестияном» подразумевает «болезнь», приключившуюся на Руси от татарского нашествия, о чем, конечно, и должна бы идти речь в продолжении произведения, повествовавшего о «погибели» Русской земли.¹ Следует думать, что приведенная фраза представляла собой законченное предложение, после которого следовала новая незаконченная фраза: «От великого Ярослава и до Володимера...» и т. д. Речь должна была идти вслед за тем, видимо, о том, что было на Руси при перечисленных князьях до Батыева нашествия и что претерпела Русская земля, когда Батый вторгся в нее со своими полчищами. Трудно гадать, каково было в точности продолжение и окончание дошедшей до нас части «Слова о погубели». Окончание вступления к житию Федора Ростиславича в редакции Андрея Юрьева, изображающее опустошение Русской земли татарами, вопреки мнению Горлина, не может дать ясного представления о том, каково должно было быть продолжение сохранившейся части «Слова о погубели», так как это краткое окончание в общих выражениях лишь резюмирует факты, которые Андрей Юрьев мог почерпнуть из летописных рассказов.

Новгородское происхождение автора «Слова о погубели» М. Н. Тихомиров аргументирует тем, что географические наименования «Слова» ведут нас к новгородской исторической действительности, сложившейся во втором и в третьем десятилетии XIII века, но эти наименования, за исключением тоймичей, «дышючего моря» и вяды, отождествляемой самим М. Н. Тихо-

¹ Никак нельзя допустить, чтобы от времени княжения «великого Ярослава», т. е. Ярослава Мудрого, и «Володимера», т. е. Владимира Мономаха, можно было вести начало «болезни» христианам, под которой разумеются бедствия, связанные с татарским нашествием. Лопарев этой болезнью склонен был считать междоусобия удельной системы, сказавшиеся особенно губельно при нашествии татар. При таком толковании, по мнению Лопарева, заключительную часть «Слова о погубели» — «А в ты дни болезнь крестияном» до конца — можно рассматривать как законченную фразу, но, во-первых, княжеские междоусобия причиняли бедствия Руси гораздо раньше татарского нашествия, почему нельзя было говорить о «болезни» в «ты дни», т. е. в данном случае в «эти дни»; во-вторых, в «Слове» время старых князей изображается как время процветания и могущества Руси, так что и по этой причине нельзя было говорить о «болезни», вызванной княжескими междоусобицами.

мировым с черемисами или мордвой, целиком повторяются и в Степенной книге (там же упоминаются и буртасы, неизвестные, как ошибочно предпологает М. Н. Тихомиров, русским летописям), и наименования эти, как указано было выше, следует возводить к более древнему источнику, общему для «Слова о погибели» и для Степенной книги. Что касается тоймичей, то в «Слове» они упоминаются как народ, обитавший в пределах Устюга, фигурирующий также в географических обозначениях Степенной книги, известный во Владимирско-Суздальской Руси, судя по заметке Новгородской летописи под 1219 годом. Относительно «дышючего моря» нужно сказать, что упоминание о нем, как указывает М. Н. Тихомиров, действительно встречается только в новгородских памятниках и искаженно — в «Задонщине», но о нем могли быть слышаны не только в Новгороде, о чем свидетельствует упоминание его в «Задонщине».

Сомнительность написания «Слова о погибели» новгородцем проистекает из того, что Новгород не пострадал от татар не только в результате Калкской битвы, но и в результате нападения Батыя на Русь в 1237—1238 годах. Автором «Слова» был, очевидно, обитатель Переяславля Залесского или Владимира, князей которых он упоминает как своих современников, скорее всего — Переяславля, судя по тому, что на первом месте в «Слове» упомянут не владимирский князь Юрий, а переяславский, в ту пору — Ярослав. Попутно заметим, что если мы придем к заключению о написании «Слова о погибели» во Владимирско-Суздальской Руси, то оно никак не могло быть создано по связи с битвой на Калке, так как Владимирский князь Юрий Всеволодович эгоистически уклонился не только от участия в этой битве, но и от присутствия на созванном в Киеве — по почину Мстислава Удалого — съезде русских князей для обсуждения вопроса о том, как общими силами бороться с татарской угрозой. Выступить при этих обстоятельствах переяславцу или владимирцу с горьким сетованием о гибели Русской земли — значило бы косвенно уличать своего великого князя в нерадении о Русской земле.

Таким образом, в основном остается в силе толкование «Слова о погибели», предложенное первым его издателем — Х. М. Лопаревым, за исключением его предположения о существовании «трилогии», включавшей в себя еще рассказ о смерти Ярослава Всеволодовича и житие Александра Невского, написанной, быть может, одним автором, разумеется, в разное время, на протяжении, значит, не менее, чем двадцати пяти лет. В силе остаются и приурочение Лопаревым «Слова о погибели» ко времени около 1238 года — нашествия на северную Русь Батыя, и вероятное предположение, что автор «Слова» жил в Переяславском княжестве в 30-х годах XIII столетия.

5

Говоря о «Слове о погибели», не лишне коснуться вопроса об отношении его к «Слову о полку Игореве». Еще Лопарев сопоставил выражения «Слова о погибели» «светло светлая... земля Русьская», «угры твердяху каменные города железными вороты», «от великаго Ярослава... и до нынешняго Ярослава» с выражениями «Слова о полку Игореве» «светлое и тресветлое солнце», «подпер горы угорскыи своими железными полки» и «от стараго Владимира до нынешняго Игоря», не делая, впрочем, никаких выводов о влиянии «Слова о полку Игореве» на «Слово о погибели». Но уже Грушевский рассматривал «Слово о погибели» как северную переработку «Слова о полку Игореве», вроде «Задонщины», как подражание ему, правда, «достаточно риторическое и холодное». Следы такого подражания Грушевский видел в том, что все содержание «Слова о погибели» напоми-

наст возвеличение в «Слове о полку Игореве» князей и их славы, перечень подвластных Руси народов близок к рассказу «Слова о полку Игореве» о народах, покоренных Романом и Мстиславом, фраза, упоминающая о «нынешнем Ярославе» является подражанием фразе «Слова» XII века, в которой фигурирует «нынешний Игорь», как возможным таким подражанием является и название памятника XIII века «Словом».

Следы влияния «Слова о полку Игореве» на «Слово о погибели» отмечает и Серебрянский, усматривая их в выражении последнего «от великаго Ярослава и до Володимера и до нынешняго Ярослава», а также в прославлении воинских подвигов Владимира Мономаха, которым автор «Слова о погибели» заменил киевского князя Святослава, как он изображен в «Слове о полку Игореве».

Но настойчивее всех о связях «Слова о погибели» со «Словом о полку Игореве», отчасти повторяя в этом отношении своих предшественников, говорит А. В. Соловьев в двух своих указанных статьях. «Для внимательного читателя очевидно, — пишет он, — большое сходство между „Словом о погибели“ и „Словом о полку Игореве“, которое старше первого на полвека».¹ Это сходство автор видит в том, что оба произведения одинаково называются «Словом», подчеркивающим их ораторский стиль; оба они написаны в свободном и прихотливом ритме, настолько, что их нельзя разложить на мерные стихи, хотя мы и улавливаем в том и в другом их ритмическую природу; оба отличаются одинаковым лирическим восприятием красот природы — чертой, довольно редкой в европейской литературе той эпохи.

Далее, и то и другое — прежде всего произведения политические; оба они отличаются своим патриотизмом; говоря о князьях и об их деяниях, они помышляют в первую очередь о родине, о «Русской земле», обращение к которой там и тут является основным их мотивом; оба произведения основаны на глубокой исторической осведомленности; оба поэта предлагают воспеть давно минувшие времена в одинаковых выражениях (в «Слове о полку Игореве» — «от старого Владимера до нынешняго Игоря», в «Слове о погибели» — «от великаго Ярослава... до ныншяного Ярослава»); оба очень внимательно относятся к княжеской генеалогии.

Оба поэта изумляют нас своими обширными географическими познаниями; оба они в исторический рассказ вклинивают древние легенды (с одной стороны, воинские дела Всеслава и Святослава Киевского, с другой — Владимира Мономаха).

В обоих произведениях находим сходные выражения (слова: «свет светлый», обращенные Всеволодом к Игорю, и слова «о светло светля», обращенные к Русской земле, эпитет «грозный», «синее море» там и тут; одинаковое использование собирательных имен в единственном числе: «литва, деремела, хинова» в «Слове о полку Игореве» — литва, мордва, вяды, корела в «Слове о погибели»; употребление в нем весьма редкой в ту пору формы «тонмици», однородной с «русици» «Слова о полку Игореве», противопоставление в обоих памятниках христиан «поганым»).

В дополнении к этим параллелям А. В. Соловьев, вслед за Лопаревым, во второй своей статье приводит еще одну фразу «Слова о погибели»: «а угры твердяху каменные городы железными вороты» он сопоставляет с фразой «Слова о полку Игореве» «подпер горы угорскии своими железными полки».

Будучи убежден в том, что автор «Слова о погибели» был знаком со «Словом о полку Игореве», А. В. Соловьев, однако, объясняет приведен-

¹ A. Soloviev. Le Dit de la ruine de la terre Russe, стр. 125.

ные им параллели из обоих памятников не как результат подражания автора поэмы XIII века своему образцу, а как поэтическую реминисценцию, внушенную «Словом о полку Игореве». «Я не думаю, — пишет он, — что „Слово о погибели“ — подражание „Слову о полку Игореве“, но оба они, несомненно, продукт одной и той же поэтической школы».¹

Как нам представляется, все эти параллели из обоих памятников, в том числе и в наибольшем количестве подобранные А. В. Соловьевым, — настолько общего характера, что едва ли могут свидетельствовать о литературной связи «Слова о погибели» со «Словом о полку Игореве», даже при тех оговорках, которые делает А. В. Соловьев.² Как бы мы ни ценили «Слово о погибели» с точки зрения литературной, нет необходимости во что бы то ни стало подтягивать его к «Слову о полку Игореве». И думается, прав был В. Н. Перетц, когда он в своей книге о «Слове о полку Игореве» 1926 года, прослеживая его судьбу в рукописной традиции, не включил в эту традицию «Слово о погибели Рускыя земли».

В связи с толкованием текста «Слова о погибели» стоит неразрешенный и едва ли разрешимый вопрос о пунктуации этого текста, от чего зависит правильное понимание его образных средств. Как известно, в древнерусских рукописях пунктуация исчерпывалась главным образом точкой, которая часто ставилась произвольно, так что в употреблении ее трудно усмотреть какую-либо закономерность и логическую последовательность. Точка в качестве единственного пунктуационного знака употребляется и в рукописях «Слова о погибели» (судя по фотографическим снимкам, приложенным к публикациям Х. М. Лопарева и В. И. Малышева, в псковскопечерской рукописи реже, в рукописи же рижской — чаще), но и здесь трудно определить ее пунктуационное значение. Лопарев в своей публикации употребил современную нам пунктуацию в разбивке текста «Слова», исходя из своего, очень вероятного представления о ритмическом его строе, характеризующемся, между прочим, постановкой эпитетов после относящихся к ним существительных. За Х. М. Лопаревым последовал и В. И. Малышев. Серебрянский заново публикуя текст «Слова» по псковскопечерской рукописи, сохранил пунктуацию (точки) подлинника. Так же поступил и М. Горлин, публикуя по фотографическому снимку текст рижской рукописи. А. В. Соловьев в своем ритмизованном переводе «Слова о погибели» на французский язык следовал той пунктуационной разбивке, какую мы находим у Х. М. Лопарева и В. И. Малышева.

Но уже Лопарева, не сомневавшегося в том, что в «Слове» эпитеты стоят после имен существительных, смущало при этом чтение «холми высокими, дубровами чистыми, польми дивными, зверьми различными, птицами бесчисленными». Особенно смутительным для него было сочетание «дубровами чистыми», которого он не находил ни в былинах, ни песнях, ни в летописях, где эпитет «чистый» прилагается к полю, а «различный» («разный») — к птицам. Казалось бы, как замечает Лопарев, можно изменить пунктуацию и читать «высокими дубровами, чистыми польми», так как «высокая дуброва» все же понятнее, нежели «дуброва чистая». Но оставляя принятую им пунктуацию, он предлагает читать «частыми» вместо

¹ А. Soloviev. New traces of the Igor tale in old Russian literature, стр. 78.

² Вообще, А. В. Соловьев склонен порой видеть сходство со «Словом о полку Игореве» в таких текстах, в которых это сходство трудно усмотреть. Так, например, упоминание «славные реки Днепра» и «славных курян» в рассказе Степенной книги о Ярославе Всеволодовиче позволяет ему утверждать, что автор и этого рассказа, возводимого им к житию Ярослава, написанному после 1246 года (год его смерти), был знаком со «Словом о полку Игореве», так как приведенные слова восходят якобы к упоминанию Днепра Словутича и сведомых курян в «Слове о полку Игореве» (А. Soloviev. New traces of the Igor tale in old Russian literature, стр. 79).

«чистыми» (слово это в псковско-печерской рукописи написано с титлом), указывая на написание в одной из старых рукописей «влезе в дубраву чисту» и добавляя при этом, со ссылкой на «Калек переходжих» Бессонова, что и выражение «дивных поль» не безызвестно. Однако в рижской рукописи, судя по снимку, слово «дубровами» сопровождается эпитетом «чистыми», написанным полностью, без титла.

Пыпин, принимая во внимание замечание Лопарева относительно возможной расстановки эпитетов в «Слове о погибели», предлагал свою расстановку, при которой сохранялась постановка эпитетов после существительных. «В перечислении по замечанию издателя, — писал Пыпин, — эпитеты как будто смешаны, так что были собственно „холмы крутые“, „дубравы высокие“, „поля чистые“ и т. п.; вероятно, были далее — не „дивные“ звери, а „дивии“, т. е. дикие».¹

Горлин, комбинируя замечания Лопарева и Пыпина, устанавливает такую пунктуацию: «реками и кладязьми, месточестьными горами, крутыми холми, высокими дубровами, чистыми польми, дивными зверьми, различными птицами бещислеными» вместо пунктуации, принятой в изданиях Х. М. Лопарева и В. И. Малышева: «реками и кладязьми месточестьными, горами крутыми, холми высокими, дубровами чистыми, польми дивными, зверьми различными, птицами бещислеными».

Думается, однако, что ритмическая природа «Слова о погибели» такова, что она требует ставшей уже традиционной пунктуации, при которой выдерживаются единство и стройность ритма, и соображения отвлеченной логики не могут перевешивать соображений, подсказываемых прежде всего правильным пониманием ритмического строя памятника.

¹ А. Н. Пыпин, ук. соч., стр. 219.